

ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

(1881-1894 гг.)

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ

(1845—1881 гг.)

Рождение и воспитание государя

26 февраля 1845 года (в понедельник), в Аничковском дворце, у тогдашнего наследника престола цесаревича Александра Николаевича и его супруги Марии Александровны родился второй сын. Об этом радостном событии было возвещено жителям столицы, в 3 часа пополудни, 301-м пушечным выстрелом с бастионов Петропавловской крепости, а вечером город был роскошно иллюминирован. Новорожденный, в честь отца и в память знаменитого деда, был назван Александром. На другой день (27 февраля) было отслужено благодарственное молебствие сначала в Казанском соборе, а затем в Зимнем дворце в присутствии государя императора Николая Павловича, наследника цесаревича, особ императорского дома, членов дипломатического корпуса, Государственного совета и других высокопоставленных лиц. По окончании молебствия в Зимнем дворце наследник цесаревич принимал принесенные ему поздравления. В то же время состоялось высочайшее повеление о снятии траура, наложенного

при дворе по случаю кончины дочери императора, великой княгини Александры Николаевны.

В самый день рождения великого князя Александра Александровича был дан Высочайший приказ о назначении его шефом Астраханского карабинерного (ныне 12-го драгунского) полка и о зачислении его в списки полков лейб-гвардии гусарского, Преображенского и Павловского. Сообщение последнему полку сделал сам наследник цесаревич. Встретив караул лейб-гвардии Павловского полка, он сказал начальнику его: «Сегодня Бог дал мне сына и государь повелел зачислить его к вам в полк: когда придешь в казармы, передай полковому командиру об этой новой милости его величества для объявления по полку». При своем рескрипте на имя санкт-петербургского генерал-губернатора Кавелина наследник цесаревич препроводил в его распоряжение 3000 рублей *«на вспомоществование беднейшим жителям столицы и на выкуп из С.-Петербургской городской тюрьмы тех из содержащихся, которые окажутся наиболее достойными»*.

В манифесте, изданном по случаю рождения великого князя, находятся, между прочим, следующие слова: «Мы вполне удостоверены, что все верноподданные наши вознесут с нами ко Всевышнему теплые молитвы о благополучном возрасте и преуспейнии новорожденного». Хотя манифест был подписан 26 февраля, но обнародован только 1 марта. Замечательное совпадение: ровно через 36 лет, в этот именно день вступил на престол в Бозе почивший государь император...

В то время, когда Северная столица праздновала рождение великого князя Александра Александровича, император Николай Павлович спешил поделиться своею радостью с первопрестольной столицей. 27 февраля он отправил на имя московского генерал-губернатора князя Щербатова особый рескрипт, в котором, между прочим, было сказано: «Среди тяжких семейных горестей, которыми Всевышнему угодно было испытать сердце наше в последнее время, ныне милостивый Господь ниспослал нам отраду... Я поспешаю уведомить вас о сем для извещения жителям любезноверной, первопрестольной столицы, оставаясь в полной уверенности, что, в неизменных чувствах их верноподданнической любви и преданности, они вместе со мною вознесут мольбы о здравии и преуспейнии новорожденного».

Первопрестольная Москва узнала о радостном событии рождения великого князя 3 марта и в тот же день молитвенно праздновала его. В церкви Чудова монастыря, в 10½ часа утра, был прочитан высочайший манифест, после которого было совершено благодарственное молебствие с коленапреклонением, а затем Божественная литургия. Молебствие и литургию совершал высокопреосвященный Филарет, митрополит Московский, с преосвященными епископами: Иосифом и Дионисием. По окончании литургии на Ивановской колокольне начался звон, продолжавшийся «во весь тот день».

17 марта 1845 года в Зимнем дворце было совершено крещение великого князя, в присутствии многих высокопо-ставленных и именитых лиц. По случаю этого торжества многим были пожалованы высочайшие награды; особы первых трех классов были приглашены в этот день к высочайшему столу; вечером столица была блестяще иллюминирована.

По неисповедимым судьбам Промысла, царственному младенцу вскоре после рождения были высказаны самые искренние благопожелания, заключающие в себе *почти пророческий характер*: сбылись они с поразительной точностью. Первое место среди них занимает стихотворение «На святое крещение его императорского высочества, великого князя Александра Александровича», неизвестного поэта, скрывшего свое имя под инициалами Б. Ф.

Под сенью царственной нам дар от неба новый
И вестник милости Правителя миров,
Ты ныне Церковью усыновлен Христовой
К надежде, к радости отечества сынов.
О, сын наследника полсветных державы,
Младенец Александр! Как много пред тобой
Светил родных — лучами славы
Осиявают путь земной!
Да будет же твой век России благодатен!
Как родом, так душой — будь Николаю внук!
Да будешь ты земле и небесам приятен
И брату первенцу — всегда по сердцу друг!
Как Невский Александр — будь *Князь благочестивый,*
Как новый Александр, *Герой позднейших лет,*
Будь Александр Миротлюбивый!
Смиреньем будь велик — любя небесный свет!

Благословенному достойно соименный,
Еще величия России ты прибавь,
И имя русское во всех концах вселенной —
Своею жизнью прославь!

Насколько верно поэт предугадал будущее царственного младенца, едва ли нужно доказывать. Почившего царя по справедливости сравнивают с Александром Невским, и весь мир усвоил ему название «Миротворца».

В. А. Жуковский, воспитатель наследника цесаревича Александра Николаевича, получив радостную весть о рождении у него второго сына, немедленно принес самое сердечное поздравление своему царственному воспитаннику. В своем письме он, между прочим, пишет: «Понимаю, что должно чувствовать теперь Ваше сердце и какое чувство должно наполнять и возвеличивать душу счастливой матери. Передавать себя потомству в сыновьях есть мысль для души животворная и в нашей судьбе смиренной: от этой мысли наша здешняя деятельность приобретает какую-то особенную значительность и прочность; мы уповаем пережить самих себя и завещать нашу жизнь человечеству в том, что нам мило; и наши благие намерения становятся для нас самих драгоценнее потому, что мы еще заживо можем передать их родным наследникам, которые радуют нас, как продолжатели нас самих, как довершители того, что мы здесь начали с любовью и чего привести к концу не успели. Что же такая мысль должна быть для Вас, наследника великой Русской империи! Я не буду здесь стараться ее выразить, ибо она имеет обширность несказанную. Народ смотрит теперь на Ваших двоих сыновей как на свое олицетворенное будущее, которого характер будет много зависеть от того влияния, какое Вы и Ваше время произведете на сыновей Ваших. Но теперь, пока они еще в колыбели, этот добрый народ к Вам лично ощущает благодарность за благословение Божие над Вами и над ним, совершившееся в Ваших детях, и радуется в сердце молодою женою царева наследника, которая в сыновьях своих заключила с ним союз твердый на будущее время».

В заключение В. А. Жуковский приносит благодарность своему воспитаннику за то, что он лично сообщил ему о рождении сына, за его «слово царское»... новый дар и новое благотворение государя, которое дает ему покой на будущее время.

П. А. Плетнев, сообщая В. А. Жуковскому о рождении великого

князя Александра Александровича, писал: «Две утраты, столь горестные для семейства царского, теперь несколько облегчены явлением на свет сына цесаревича. Траур снят... Новый Александр должен внести с собою в семью наследника все радости, какие соименный ему император внес в сердце Екатерины. Нам не увидеть этого будущего, которое так таинственно и значительно. Чем некогда сделается Россия? А к ее бытию много, много судеб приобщено Провидением».

Таким образом, поэты предвещали царственному младенцу замечательную будущность и выражали непритворную радость по поводу его рождения. И действительно, будучи вторым сыном цесаревича, он не предназначался к царской короне, но Всевышнему, провидевшему грядущую судьбу младенца, угодно было обставить его развитие с самых ранних лет наилучшими условиями. Рассматривая весь период жизни великого князя Александра Александровича до вступления на престол, без преувеличения можно сказать, что редкому монарху была дана такая всесторонняя подготовка к самодержавному престолу и редко кто проходил ее с такою добросовестностью, как почивший император.

Воспитание великого князя Александра Александровича совершалось, с одной стороны, при наблюдении царственных родителей, под непосредственным влиянием воспитателей и наставников, с другой — в самом теснейшем духовном общении с своим старшим братом, наследником цесаревичем Николаем Александровичем.

В справедливой оценке нашего незабвенного монарха, сделанной в России и за границей, нет разноречия. Прекрасный высокий образ царя привлекал к нему сердца всех людей, способных понимать нравственные совершенства и любоваться ими. Гармоническое развитие в почившем государе душевных свойств не было делом счастливой случайности. Человек, являясь в мир, приносит уже с собою некоторые задатки тех душевных качеств, которые будут отличать его впоследствии. Но несомненно также и то, что добрые примеры, наставление и советы в детском и юношеском возрасте имеют огромное влияние на правильное и плодотворное развитие этих качеств. Поэтому, рассматривая первый период жизни почившего императора, достойно и вполне справедливо помянуть наставников его юности, помогших ему сделаться тем, чем он был.

Вскоре после рождения царственные родители вверили своего юного сына опытной бонне — англичанке, леди Струттон, женщине весьма образованной и обладавшей редкими душевными качествами. Государь был очень привязан к ней и высоко ценил свою первую воспитательницу. Когда она умерла, император сопровождал ее к месту вечного упокоения, шел за ее гробом и выражал глубокую скорбь об утрате ее, отирая слезы на своих глазах...

Воспитание великого князя Александра Александровича совершалось под руководством трех лиц: генерала Н. В. Зиновьева — в раннем детстве, преемником его был Б. А. Перовский, всем же делом воспитания и обучения руководил бывший профессор Московского университета А. Я. Чивилев. Все они были люди высокообразованные, преданные труду, безупречной нравственности и потому оказывали самое благотворное влияние на царственного юношу. Их окружала такая чистая духовная атмосфера, что в ней только и могла развиться окруженная светлым ореолом могучая и вместе с тем чистая, как хрусталь, девственная душа почившего.

Первым по времени воспитателем великого князя был генерал-адъютант Н. В. Зиновьев (1801—1882 гг.), назначенный в 1849 году императором Николаем Павловичем состоять при его внуках — великих князьях: Николае, Александре и Владимире Александровичах. Известный воинскими способностями и педагогическим тактом, Николай Васильевич оставил после себя репутацию честнейшего и благороднейшего русского вельможи старого закала с золотым сердцем. Насколько почивший император любил Н. В., видно из рескрипта, данного на его имя в день присяги (20 июля 1865 г.): «Николай Васильевич! Я помню всегда, что от Вас первого слышал я о тех правилах чести, любви и преданности государю и Отечеству, которые и составляют сущность присяги, принесенной мною сегодня пред престолом Всевышнего. Помолитесь вместе со мною, чтобы Бог помог мне во всех обстоятельствах жизни руководствоваться только теми побуждениями, которым в самых юных годах моих Вы старались положить основание в моем сердце. В память этого великого дня в моей жизни, препровождаю Вам табакерку с Моим портретом и прошу Вас сохранить ко мне навсегда Вашу дружбу и привязанность».

С 1830 года главным воспитателем царских детей Александра и Владимира Александровичей был назначен граф Борис Алексеевич

Перовский (1814—1881 гг.). По благородству и теплоте своих чувств это был выдающийся человек и верный царский слуга. В нем кипела чисто русская кровь. В дело воспитания царских детей он вложил всю свою душу. Он расширил их духовную атмосферу, поставил их в более близкое отношение к жизненным вопросам, изгнав ложь и лесть. Будущий наследник престола (Александр Александрович) был застрахован своим дальновидным воспитателем от некоторых неблагоприятных влияний придворной жизни. С этой стороны Борис Алексеевич оказал огромную услугу не только своему воспитаннику, ведя его правильным путем, но и всей России.

Третьим воспитателем и руководителем почившего государя был Александр Иванович Чивилев. Это был человек весьма умный и благородный. Чистота его нравов и честность во всю жизнь были безукоризненны. Кроме того, он был в высшей степени трудолюбив. Сначала Александр Иванович был профессором политической экономии в Московском университете и приобрел здесь репутацию дельного человека и опытного педагога. В Москве Александр Иванович сблизился с графом Строгановым (воспитателем цесаревича Николая Александровича), который впоследствии рекомендовал его в воспитатели к детям государя, — великим князьям, — Александру и Владимиру Александровичам. В этом звании Александр Иванович оставался до самой смерти, заслужив искреннюю любовь своих царственных питомцев, окружавших его самым заботливым уходом во время болезни.

Руководимый этими тремя лицами в детские и юношеские годы, великий князь Александр Александрович, кроме специально военных занятий и всестороннего изучения морского дела, вместе с своим старшим братом наследником цесаревичем, слушал лекции профессоров Санкт-Петербургского и Московского университетов, а также уроки и наставления законоучителей — протопресвитера В. Б. Бажанова и протоиерея И. В. Рождественского.

Протопресвитер Василий Борисович Бажанов (31 июля 1883 г.) в течение 60 лет неутомимо служил церкви и родине. Сначала он состоял законоучителем в высших и средних учебных заведениях столицы; с 1835 года преподавал Закон Божий детям и внукам императора Николая I и был духовником их высочеств; в 1848 году назначен духовником их величеств. Вступив в должность законоучителя царских детей и внуков,

Василий Борисович отнесся к своей задаче с полной независимостью, взглянул на свои обязанности совершенно правильно и в основу своего преподавания положил нарочито составленную им для этой цели книгу: «Об обязанностях христианина в состоянии гражданском и церковном и об обязанностях государя». До Василия Борисовича никому из православного белого духовенства не довелось, в продолжение почти полувека и в течение трех царствований (императоров: Николая I, Александра II и Александра III), стоять так близко к царскому семейству. Таковую продолжительность столь почетного служения следует объяснить не одной лишь скромностью жизни Василия Борисовича, но и стойкостью и независимостью его характера и убеждений. Кроме того, беззаветная его преданность своему долгу и обязанностям поставила его выше всяких дворцовых случайных влияний и удержала его на высоте призвания. Мало кому известен один факт редкого, почти беспримерного, доверия, которым был почтен Василий Борисович от государя императора Александра Николаевича. Ему предоставлено было право предстательствовать у царского престола за осужденных. Не проходило месяца, чтобы по его заступлению и ходатайству пред государем и государыней Марией Александровной десятки несчастных, отбывавших наказание в рудниках, казематах и острогах, не возвращались равноправными в осиротелые без них семейства. Такое беспримерное доверие со стороны царской Четы было оказано Василию Борисовичу, без сомнения, за его христианское стремление к миру и согласию, за его высоконравственное убеждение в чистоте человеческой природы, за его скорбь о заблудших и заботы о раскаявшихся.

В день 50-летнего юбилея в священном сане (1 августа 1873 г.) Василий Борисович удостоился высочайшего внимания, выраженного в данном ему рескрипте, в котором находятся, между прочим, следующие слова: *«Мы имели случай лично узнать и ценить высокие качества, которыми Вы ознаменовываете все должности, Вами проходимые».*

После Василия Борисовича с 1860 года преподавал Закон Божий августейшим детям императора Александра Николаевича (в числе которых был и великий князь Александр Александрович) протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский. Он пользовался любовью не только своих высоких питомцев, но и всего царского дома. Состоя в должности члена Св. Синода, Иоанн Васильевич явил себя пастырем деятельным,

умудренным опытом жизни. Подобно о. протоиерею Иоанну Сергиеву, Иоанн Васильевич отличался самою широкою благотворительностью. Во время его болезни император Александр Александрович, по особому благоволению к своему бывшему наставнику, назначил ему удобное помещение для летнего пребывания в Царском Селе, где не раз сердечно беседовал с ним. Лучшие врачи были приставлены к Иоанну Васильевичу и употребили все средства к тому, чтобы спасти дорогую жизнь. Все царское семейство постоянно осведомлялось о ходе его болезни, много раз посещали его великие князья и другие особы царского дома. Смерть его глубоко опечалила царственного ученика и весь августейший дом.

Правильное изучение русской истории и ясное понимание судеб своего отечества имеет первостепенное значение для наследника престола обширного Русского государства. Эта высокая задача была возложена императором Александром Николаевичем на профессора русской истории в Московском университете Сергея Михайловича Соловьева, преподававшего эту науку цесаревичу Александру Александровичу в 1865 и 1866 годах. Программа занятий знаменитого русского ученого с августейшим учеником пока не опубликована, но дело преподавания не ограничивалось только лекциями. Наследник цесаревич нередко и подолгу беседовал с своим маститым наставником, и между ними установилось то нравственное единение, которое не прекращалось до самой смерти Сергея Михайловича (в 1879 г.). Получив известие о смерти своего любимого наставника, почивший государь в рескрипте на имя его супруги выразил и свое соболезнование и свою любовь к нему. «С живейшим прискорбием услышал я, по возвращении моем (сказано в рескрипте), о кончине многоуважаемого Сергея Михайловича. Вам ближе и ощутительнее, чем кому-либо, скорбь невозвратной потери, но эту скорбь разделяют с Вами все русские люди, издавна привыкшие видеть в супруге Вашем не только ученого и талантливого писателя, но и человека добра и чести, верного сына России, горячо принимавшего к сердцу и в прошедших и в будущих судьбах ее все, что относится к ее славе, верно хранившего в душе своей святу ю веру и преданность церкви, как драгоценнейший залог блага народного. Приняв от него всегда памятные мне уроки и наставление в истории нашего отечества, Я не могу быть равнодушным к Вашему горю и вменяю себе в сердечный долг выразить Вам свое

искреннее и глубокое сочувствие».

Такие глубоко прочувствованные слова были высказаны и такая оценка Сергея Михайловича была сделана не юношей, а мужем зрелых лет, стоявшим на пороге царского трона. «Всегда памятные уроки и наставления» не могли забыться, «образ человека добра и чести, верного сына России» не мог померкнуть в годы славного царствования, исполненного беспредельной любовью к родине и посвященного служению православной церкви и отечеству. Между покойным историком и его августейшим воспитанником существовала самая тесная духовная связь, которая только и может объяснить для нас особенную характеристическую черту царствования императора Александра Александровича, отличавшегося *вполне русским* направлением. В лице Сергея Михайловича Россия лишилась одного из доблестнейших сынов своих, но он живет в своих бессмертных творениях, и особенно в гигантском труде «История России». Он живет для отечества в делах недавно почившего государя, воспринявшего идеи своего бессмертного наставника. «Всегда памятные уроки и наставления» питали благодарнейшую почву и укрепляли в ней свежие побеги драгоценнейших и высоких душевных качеств. Все без исключения основные черты, составляющие, по общему свидетельству, нравственный облик знаменитого историка, — ярко сияют и в нравственном облике нашего незабвенного государя. Именно перед этими его чертами преклоняются современники, именно на них указывают все, о них громко говорит печать всего мира. Такое сходство понятно, ибо черты эти должны быть общи всем *истинно русским* людям и деятелям, кто бы они ни были и на каких бы далеких одна от другой высотах ни находилось поприще их служения отечеству.

В 1853 году был приглашен к императорскому двору академик Яков Карлович Грот для преподавания великим князьям Николаю Александровичу и Александру Александровичу русского и немецкого языков, истории и географии. Четыре дня в неделю Яков Карлович посвящал на занятия с августейшими детьми, а за отсутствием некоторых преподавателей (в летнее время) он исполнял и их обязанности. В рескрипте, данном на имя Якова Карловича 20 июля 1865 года, наследник цесаревич Александр Александрович, между прочим, говорит: «Мне приятно вспомнить то время, когда на Вас лежала обязанность наставника нашего. Отдавая полную

справедливость, с которою Вы старались об успехах наших в науках, препровождаю к Вам, в воспоминание этого дня (принесение присяги), перстень с моим вензелем».

Ученая деятельность Якова Карловича была чрезвычайно разнообразна и плодотворна. Ко дню его 50-летнего юбилея (6 сентября 1882 г.) у него было 342 названия его ученых трудов. В этот день золотой свадьбы русского ученого с наукой Яков Карлович удостоился весьма лестного рескрипта от своего царственного ученика, в котором должным образом оценена его деятельность и выражена ему сердечная признательность с пожеланием долгих лет. «Мудрый хозяин вертограда», распределяющий часы работы и жизни человеческой, хранил Якова Карловича после его юбилея еще одиннадцать лет для пользы русской науки.

Из всех воспитателей и наставников почившего государя остаются в живых только двое: обер-прокурор Св. Синода, сенатор Константин Петрович Победоносцев и генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров.

Константин Петрович, окончив курс в училище правоведения (в 1846 г.), состоял на службе в Московском департаменте Сената и в то же время занимал кафедру гражданского судопроизводства и судоустройства в Московском университете. В 1860 году, по высочайшему повелению, он был приглашен для преподавания законоведения их императорским высочествам, великим князьям Николаю Александровичу, Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. В 1863 году Константин Петрович сопровождал наследника цесаревича Николая Александровича в его путешествии по России, которое он весьма талантливо описал в книге «Письма о путешествии наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма». С 22 апреля 1880 года Константин Петрович состоит обер-прокурором Св. Синода и есть единственный министр, назначенный еще императором Александром II. Не настало еще время для оценки этого замечательного государственного деятеля, но, занимая в течение 15 лет весьма важный пост, он пользовался особым доверием почившего государя и способствовал многим реформам в области церкви и религиозно-нравственного развития народа.

Генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров, будучи еще в чине капитана (в 1861 г.), преподавал курс тактики и военной истории

великому князю Александру Александровичу. В 1866 году, будучи наследником престола, почивший государь, в знак своего особого благоволения к Михаилу Ивановичу, пожаловал ему бриллиантовый перстень с вензелевым изображением своего имени.

Все воспитатели и наставники в Бозе почившего государя хорошо сознавали и свято выполнили высокую задачу, возложенную на них Божиим Промыслом и изволением царским. Насколько их умственное и нравственное развитие отразилось в душе царственного юноши и каково было их влияние на него — видно из того, *каким Он явился на троне.*

В воспитании великого князя Александра Александровича была другая сторона — неофициальная. Между ним и его старшим братом наследником цесаревичем Николаем Александровичем существовала самая искренняя братская любовь, и вот она-то оказывала весьма важное воспитательное влияние на нежную и отзывчивую душу младшего брата. Эта дружба двух царственных братьев как бы самим Провидением была избрана лучшим средством для приготовления к престолу великого князя Александра Александровича. Наследник цесаревич воспитывался отдельно от брата. Одаренный от природы богатыми способностями, любознательный и очень прилежный, он быстро усвоял все сообщаемое. В свободное от занятий время братья постоянно находились вместе и жили одною жизнью. Тут-то и происходил между ними обмен мыслей и чувств. Старший брат делился с младшим плодами своего научного воспитания, а последний передавал ему свои впечатления и благодетельно влиял на него своею искреннею и честною натурой. Государственная жизнь в 60-х годах отличалась особенным оживлением: все отголоски этой жизни не могли проходить незамеченными для царских детей. В дружеской беседе с старшим братом младший узнавал многое лучше и яснее, чем на лекциях наставников, а с другой стороны — ясный и спокойный ум младшего брата благотворно влиял на более впечатлительную натуру старшего.

Летом 1863 года наследник цесаревич Николай Александрович отправился в путешествие по России (от Петербурга до Крыма), в сопровождении И. К. Бабста и К. П. Победоносцева. Путешествие продолжалось около четырех месяцев. Несмотря на блестящие торжества и восторженный прием, наследник цесаревич находил время для дружеской переписки с братом Александром Александровичем. Он

писал ему обширные и одушевленные письма с каждого места остановки. Таким образом, находясь вдали от брата, цесаревич жил с ним одной душой.

В 1861 году произошел один случай, по-видимому, незначительный, но многозначительный по своим последствиям. 26 августа 1861 года, в день Бородинской битвы, великий князь Александр Александрович, в сопровождении графа Б. А. Перовского, посетил московский Новодевичий монастырь для поклонения чудотворной иконе Одигитрии Смоленской Божией Матери, путеводительницы русского воинства в 1812 году. В то же время ожидали туда приезда наследника престола Николая Александровича, для поднесения которому настоятельница монастыря приготовила в дар от обители св. икону и задравную просфору. Вместо наследника прибыл в обитель его брат, великий князь Александр Александрович. В отсутствие настоятельницы, монахини приняли его за наследника престола и поднесли ему св. икону и просфору. Когда цесаревич прибыл в монастырь на другой день, то ошибка обнаружилась и он сказал: «Я рад, что назначенные мне в благословение св. икона и просфора достались доброму моему брату, — он достоин того». Эти слова были пророческими.

Кроме обозрения московских святынь и древностей, великий князь Александр Александрович в тот же день (26 августа) осматривал весьма важный памятник — ту избушку в Филях, в которой происходил в 1812 году военный совет, решивший участь Москвы. Здесь он обратил внимание на портреты восьми боевых генералов, участвовавших в этом совете, а также прочитал находившееся там описание Филей, составленное И. Снегиревым.

Зимой 1864/65 года оба брата сблизились еще более, и настроение их ежедневных бесед сделалось серьезнее. Под влиянием роковой болезни цесаревич стал задумчив и грустен, и только появление брата приносило ему отраду. В это время чело его прояснялось, и он любовался его чистой и прекрасной душой.

Любовь Александра Александровича особенно ярко выразилась при безвременной кончине старшего брата. В то время как вся Россия была опечалена известием о тяжелой болезни наследника престола, младший брат питал твердую надежду на его выздоровление и желал только одного: быть полезным ему сотрудником. «Я брат будущего государя, — говорил он, — обязанность моя будет заключаться в том, чтобы

говорить государю то, что другие не скажут». Цесаревич с своей стороны искренно ценил чувства своего августейшего брата, о котором отзывался так: «Это — честная, правдивая, хрустальная душа!»

Вследствие опасной болезни цесаревич отправился для лечения в Ниццу. Недолго длилась общая надежда на выздоровление: он быстро угасал и в ночь с 11 на 12 апреля (в 12 ч. 50 м. пополуночи) заснул вечным сном. Отчаяние младшего брата, по словам очевидцев, было невыразимое. Цесаревич умирал окруженный самыми близкими к нему лицами: по одну сторону кровати, у изголовья, стояла императрица Мария Александровна, у ног — император Александр Николаевич, между ними — невеста цесаревича, ныне вдовствующая государыня императрица Мария Феодоровна, держа за руку своего умиравшего жениха; по другую сторону находился великий князь Александр Александрович, держа другую руку своего брата. Тут же находились и другие члены царственной семьи. Пред кончиной наследник цесаревич завещал своему брату свою невесту, а ей завещал любить его честную, правдивую, «хрустальную душу».

Манифестом от 12 апреля 1865 года великий князь Александр Александрович был провозглашен наследником престола и цесаревичем; 29 мая назначен атаманом всех казачьих войск, шефом двух полков и зачислен в гвардейские части. Принимая в Белой зале Зимнего дворца представителей различных учреждений, депутации и лиц, прибывших в столицу на погребение наследника цесаревича, император Александр Николаевич сказал: «Прошу вас, господа, перенести на теперешнего наследника моего те чувства, которые вы питали к покойному его брату. За его же чувства я вам ручаюсь: он любит вас так же горячо, как я вас люблю и как любил вас покойный. Молитесь Богу, чтобы он сохранил его нам для будущего благоденствия и славы России». Эти слова императора глубоко тронули всех присутствовавших, и у многих показались слезы.

Торжественная присяга великого князя Александра Александровича, как наследника престола, состоялась 20 июля 1865 года. В Высочайшем манифесте о присяге находятся следующие знаменательные пожелания его державного родителя: «Призывая на него (цесаревича) благословение Божие, Мы с непоколебимою верою молим Всевышнего о его преуспейнии на стезе, Всемогущею волею ему ныне предначертанной: да ниспошлет ему мудрость и добродетели; да

руководит его постоянно во всех делах; да сохранит его нам и любезному Отечеству на утешение и радость... да обратятся на него общая любовь и преданность, столь искренно всеми высказанные к усопшему брату его!» Приняв присягу, великий князь преклонился пред державным родителем, который заключил сына в свои объятия, поцеловав с невыразимою нежностью; точно так же изъявила свои чувства и императрица-родительница. Петербург отпраздновал этот день блестящею иллюминацией и народным гуляньем.

Рескрипты, данные наследником цесаревичем вскоре после принесения им присяги, произвели на всех глубокое впечатление. В рескрипте (от 20 июля 1865 г.) на имя министра внутренних дел П. А. Валуева он писал: «Сегодня я имел счастье исполнить перед престолом Всевышнего священный долг присяги на верность государю императору и в лице его всему возлюбленному Отечеству с теплою молитвою: да наставит меня Господь на подлежащем мне пути, дабы заслужить мне одобрение моего государя-родителя, как сын верноподданный, и любовь России, как русский, всею душою преданный дорогой родине. Желая в этот торжественный для меня день хоть на сколько-нибудь облегчить участь жителей обширного нашего Отечества, которые ввергнуты в нужду от бывших в последнее время неурожаев и пожаров, и ознаменовать его богоугодною лептою, препровождаю к вам при сем 16 000 рублей, из которых 10 000 прошу распределить по губерниям, которые наиболее пострадали от вышесказанных несчастий, и 6000 приобщить к капиталу, собираемому на построение и украшение православных церквей в наших западных губерниях».

В тот же день последовали рескрипты на имя военных генерал-губернаторов обеих столиц о пожертвовании наследником цесаревичем, в воспоминание «важнейшего в его жизни шага» (т. е. принесения присяги), по 6000 рублей для раздачи беднейшим жителям Петербурга и Москвы. В первом из этих рескриптов находятся, между прочим, следующие знаменательные слова: «Я почту себя счастливым, если эта помощь осушит хотя несколько слез и даст хлеб насущный хотя нескольким нуждающимся семействам и Бог, конечно, услышит молитву, приносимую вместе со мною несчастными, о сохранении нам на многие лета нашего государя и о благоденствии нашего Отечества». В торжественный день своей присяги наследник цесаревич почтил сердечными рескриптами своих ближайших воспитателей: Я. В.

Зиновьева и Я. К. Грота.

В день принесения присяги состоялось высочайшее повеление о назначении наследника цесаревича «Канцлером императорского университета в Финляндии». Извещая об этом «консисторию университета» особым рескриптом, государь император, сам носивший это звание в бытность наследником престола, выразил уверенность, что и новый канцлер университета «в сердцах университетского юношества найдет то же стремление к истине, ту же любовь к отечеству и то же честное и верное исполнение долга, каким и прежде всегда отличались все члены университета».

Иностранные государи поспешили выразить новому цесаревичу знаки своего особого внимания. Так, император французов Наполеон III прислал ему орден Почетного легиона Большого креста.

Царский брак (28 октября 1866 г.)

Почивший государь известен как редкий семьянин. В этом отношении семейная жизнь царственной четы имела огромное воспитательное значение для русского народа.

Помолвка его императорского высочества, наследника цесаревича великого князя Александра Александровича с дочерью датского короля Христиана IX и королевы Луизы — Софией-Фридерикой-Дагмарой, нареченной во святом миропомазании великой княжной Марией Феодоровной, состоялась в Копенгагене, столице Дании. 17 июня 1866 года царь и царица, а с ними и вся Россия, узнали о совершившемся счастливом событии. По возвращении царственного жениха русский народ волновался нетерпеливым ожиданием прибытия невесты наследника русского престола в свое новое отечество.

Один из датских поэтов, смотря на трогательные проводы в Копенгагене этой «Звезды Севера», говорил: «Слезы твоей разлуки обратятся в жемчуг», «В ожидающем тебя свадебном венке таится императорская корона величайшего в свете государства». Весь народ русский знал уже о живой и глубокой любви невесты цесаревича к своему новому отечеству, о ее усердии к изучению русского языка, о том сердечном благоговении, с которым она слушает православное богослужение и готовится к принятию православия. Русские люди

восхищались ее семейным воспитанием и высоким нравственным характером. Слыша, что она у своих родителей постоянно чередовалась с сестрами в заботах о домашнем хозяйстве, говорили: «Вот будет у нас добрая хозяйка и достойная спутница жизни нашего будущего царя».

Чудною золотою осенью 1866 года прибыла в Россию, при неопisanном народном восторге, невеста наследника престола и 14 сентября въехала в Царское Село. Принцессе Дагмаре выпала доля, примеров которой мы не много найдем в истории: всеми желанною, всеми призываемою вступила она на Русскую землю, преисполненную самих благих надежд. Она принесла с собою незыблемую веру в светлое будущее своей новой родины. Ее поэтическое имя Дагмара звучало русскому сердцу, что обетованная «Утренняя Заря» вошла над Русским царством во всем очаровании юности, красоты и счастья...

Когда ее высочество проезжала по аллеям Царского Села с государем императором, императрицей и августейшим женихом своим, толпы народа жадно читали на выразительном лице государя, в приветливых взорах императрицы, — чувство глубокой внутренней радости. Наследник цесаревич не отрывался взором от прекрасной невесты своей. Принцесса Дагмара сияла своими великолепными, большими темными глазами; очаровывал всех взгляд ее — мягкий, как бархат, глубокий, вдумчивый...

17 сентября, в день Софии, Веры, Надежды и Любви, последовал торжественный въезд царственной невесты в Петербург. Радость народа и царской семьи была невыразима. Известный патриот Е. В. Богданович выразил это в следующем стихотворении:

Шумела радостью столица,
Гудели в лад колокола,
Когда, как майская денница,
Ты к нам из-за моря текла.

* * *

Все веселилось, ликовало,
В надеждах света и добра
Везде любовь Тебя встречала,
Встречало русское «ура!».

* * *

В привет призваннице народа
В тот день оделась, говорят,
Гиперборейская природа
В полудня яркого наряд.

* * *

Ты дань восторгов собирала,
И все, народный клик и звон,
Благоговеньем отвечало
На твой приветственный поклон.

* * *

И я тебе благословенья
В тот день желанны посылал.
И я усердные моленья
С народным голосом сливал.

* * *

Мне было сладко, в час привета,
Тебя из тьмы благословлять,
Как первый луч дневного света
Слепцу, прозревшему опять.

12 октября, в Зимнем дворце, было совершено святое миропомазание и присоединение к православной церкви невесты цесаревича, которая в первый раз была провозглашена великой княжной Марией Феодоровной. Чин присоединения был полон особого значения по тому глубокому чувству искренности, с которым приступала к нему юная невеста и которое слышалось в каждом произносимом ею слове. Твердо и чисто она выговаривала величавые славянские глаголы, отвечая на вопросы пастыря, и весь ее тонкий и нежный облик в белом одеянии, казалось, дышал святостью великой переживаемой ею минуты.

28 октября было совершено торжественное бракосочетание наследника цесаревича великого князя Александра Александровича с великой княжной Марией Феодоровной. В час пополудни пушечные выстрелы с Петропавловской крепости подали сигнал высочайшего выхода в Зимнем дворце. За императором и императрицей шествовала об руку с августейшим женихом своим царственная невеста в

бриллиантовой короне, в платье из серебряной парчи и в бархатной малиновой мантии, подбитой горностаем. Августейшая невеста была поразительно прекрасна в этом великолепном одеянии.

При входе в дворцовый собор высочайшие особы были встречены высокопреосвященным митрополитом Исидором, членами Св. Синода и придворным духовенством. Дивные голоса придворной певческой капеллы запели псалом: *«Господи, силою Твоею возвеселится царь...»* И государь, взяв за руки обрученных дорогих детей своих, повел их и поставил на приготовленное для них возвышение. Засим было совершено таинство бракосочетания протопресвитером В. Б. Бажановым, по окончании которого высокопреосвященный митрополит Исидор с высшим духовенством совершил благодарственный молебен с коленопреклонением. Раздавшиеся в это время пушечные выстрелы с Петропавловской крепости придали еще более торжественный характер стройному и величественному исполнению певчими благодарственной песни: *«Тебе Бога хвалим...»*

Редкий вид представляла столица, когда августейшие новобрачные ехали из Зимнего дворца в Аничков. Все полумиллионное население города толпилось на улицах, по которым с трудом двигалась царская карета, посреди моря обнаженных голов и приподнятых рук, между тем как сотни тысяч голосов оглашали воздух восторженным «ура!». Против самого Аничкова дворца, предназначенного для жительства новобрачных, была устроена декорация, изображавшая русскую избу, великолепно освещенную, с надписью:

Живите России на радость,
Всему миру на красу.

В то самое время, когда царская карета подъехала к Аничковому дворцу, вдруг пошел небольшой дождик. «Слава Богу! Слава Богу! — закричал народ, — счастливо жить молодым!» И вещее слово народа исполнилось.

Вслед за столицей вся Россия горячо приветствовала царственных новобрачных. Святитель Филарет, митрополит Московский, обратился к наследнику цесаревичу с следу-ющим письмом:

«Благоверный государь!

Единодушно со вверенным мне Московским духовенством и духовною паствою, искренним верноподданническим чувством побуждаюсь смиренно приветствовать Ваше Императорское Высочество со вступлением в благословенный брак с избранною Вами достойною спутницею Вашей жизни, государынею великою княгинею Мариєю Феодоровною.

Важен супружеский союз. Ему вверено Богом продолжение бытия рода человеческого.

Еще особенным образом важен супружеский союз Вашего Императорского Высочества: ему вверено Провидением Божиим продолжение царствующего рода. Вере Вашей подлежит обетование Авраамово: царие из Тебя изыдут (Быт. XVII, 6) в преемственном потомстве.

Все верные сыны и дочери православной церкви в России, соединяя свою радость с радостью твоего сердца, соединяют с твоею молитвою свои молитвы; да будет супружеский союз ваш полон чистой и совершенной любви, да будет он вожделенными плодами своими во всегдашнее утешение августейшим родителям вашим, да будет счастье семейной жизни вашей облегчением подвигов вашей царственной жизни».

Как велика была радость в Москве, этом средоточии русской жизни, по случаю приезда туда в 1867 году высоких новобрачных, видно из следующего приветствия им от первопрестольной столицы, написанного пламенным патриотом Е. В. Богдановичем.

«Звонит Москва во все колокола. Сбегается народ православный со всех концов Белокаменной. Бежит взглянуть на дорогих гостей, на царя и на Четую Новобрачную. Поднялось ура перекатное от Тверских ворот до Красного крыльца. Вот они уже показались, гости дорогие. Кланяется царь приветливо своему народу. *Кланяется ласково юная Царевна.*

И много в эту минуту сталкивается дум на душе... И прошедшее, и настоящее, и будущее как-то живо и ярко говорит воображению и преданьями, и действительностью, и загадками.

Первое чувство, которое охватывает душу среди наших торжественных ликований, — чувство отечества, чувство радостной

любви к нему. Жалок тот, кто смотрит равнодушно на одушевление сотни тысяч людей, кто в десятивековом их быте видит только невежество и рабство, и не гордится русскими воспоминаниями, остается чужд русским святыням. Жалок он, если в нем не дрогнет струна живая, если он всею душой своею не сольется с народным потоком; жалок человеку мертвый в порывах жизни общей, жалок неверующий среди изъявлений горячей веры; жалок презирающий отца своего и деда: тот ввек останется один, и дети его насмеются над ним.

Клевещут на тебя, добрая, смиренная, терпеливая, могучая русская старина. Много на тебя клевещут, а начала твои все еще живут по деревням и городам. Посмотрите, как по жилам Москвы прихлынул народ к Кремлевскому сердцу. День холодный и дождливый, — что им за дело? Душа тепла... Тут нет расчета, выжидающего взгляда, лицемерной улыбки; тут даже нет ожидания пышного церемониального въезда; а между тем взгляните, какая торопливость, какая озабоченность в лицах, как каждый боится опоздать! Иной бежал 10 верст, весь нараспашку, и только думал, как бы стать поближе, как бы увидеть лучше. И, увидавши, перекрестился, что видел, и пойдет себе довольный и спокойный домой, и расскажет слепой матери или дедушке безногую, что близехонько царя видел и детей царских и что вот как было дело.

Так вот оно русское чувство, то чувство, которое изгнало татар, поляков и шведов. Вот оно пламя, которым в годину испытания Москва сожгла себя. Люди русские, не гасите этого пламени. Веруйте, что никакой ум не придумает ничего лучше любви.

Въехал царь с своим сыном и дочерью в свою первопрестольную столицу, а Москва встретила их, как следует встретить царственных гостей. Любовью и молитвой внесла их в царские чертоги...

Все это чувствует Москва. Все это чувствует Россия, и любовью и молитвой оберегает жизнь, ей драгоценную.

В судьбе народов, как и в судьбе частных людей, вера дает силу, любовь указывает путь: иначе страстям нет пределов, иначе расчетам, предвидящим все, кроме действительности, нет конца. В былой России много темных сторон, но темное уже исчезает перед солнцем. Просвещение, — вот задача настоящего; просвещение, основанное на вере и любви, — вот идеал русского величия. Вот куда мы должны стремиться. Вот что должно нас поддерживать и смирять.

Не знаменательное ли это совпадение торжественного въезда с открытием ученого зрелища, где все население России, с их нравами и обычаями, как будто нарочно собрались, чтобы приветствовать будущность России?

Счастливым город Москва: исстари избрана она Провидением, как ковчег русской жизни... Теперь, когда она встречает новобрачную царственную чету, она указывает не на один только Кремль, а на всю разноплеменную семью Русского государства. Гляди, говорит она наследнику престола: вот твои будущие подданные. Будешь правосуден, будешь любим, будешь любим, будешь силен, и Бог благословит твои начинания.

И к тебе тоже, юная заря новых надежд, обращается Москва от имени всей родной стороны: тебя уже давно назвала Россия своею. Вся Москва притаила дыхание, когда в виду народа ты пала на колени пред Иверскою иконой, — и с этой минуты Москва почувствовала, что ты русская, помолилась тихо с тобой, и громко потом вскрикнула: «Да будет твой путь светел, да будет твоя доля счастливая!»

29 апреля государь с новобрачными и великим князем Владимиром Александровичем посетили, по древнему в царской семье обычаю, Троице-Сергиеву лавру.

Таково было начало супружеской жизни их величеств. Божие благословение — видимо, для всех — почивало над этою первенствующею в России семьею во весь 28-летний период ее бытия: в идеальном счастье супружеском, в образцовом воспитании царственных детей, бывших утешением августейших родителей, в высоком строе их жизни, в несравненном благоустройстве их хозяйства осязательно замечалось действие благодати Божией...

События из жизни цесаревича Александра Александровича от брака до вступления на престол

(1866—1881 гг.)

Со вступлением в брак начался новый период в жизни наследника цесаревича, продолжавшийся около 15 лет. Вскоре после объявления наследником престола он окончил свои классные занятия, а после свадьбы, поселившись в Аничковом дворце, он устроил в нем тихий и мирный дом. Вместе с любознательной супругой он занимался чтением, а также беседами с русскими людьми о России. Эти беседы чрезвычайно увлекали его и имели для него очень важное значение, так как в них очень часто принимали участие лица, приезжавшие из разных городов, и потому здесь естественно встречались различные взгляды — провинциалов и жителей столицы. Вследствие этих бесед в наследнике цесаревиче навсегда утвердилось то убеждение, что государственная правда создается из двух источников и что при решении каждого вопроса необходимо сравнивать суждение петербургского чиновного мира с мнениями тех лиц, которые стоят у самого дела — вдали от столицы. То было время, когда реформы следовали одна за другой, когда всевозможные канцелярские проекты вырастали с необыкновенной быстротой, и потому необходимо было иметь в виду, что действительно нужно народу, как существенная потребность. Чиновный Петербург, под влиянием Западной Европы, желал коренного переустройства русской жизни. Если бы молодой цесаревич ограничился *только этим* знакомством с жизнью русского народа из уст петербургских чиновников, то ему угрожала опасность составить неверный взгляд на нужды провинции. Будущий монарх избежал этой опасности, устроивши свой мир из образованных людей провинции, приезжавших в Петербург или писавших о России, которых он сближал с жизнью столицы. Это было тем возможнее, что доступ к цесаревичу был весьма легок. Все, желавшие видеть его высочество и лично подать

ему просьбы или представиться, если их служебное или общественное положение позволяло это, могли без труда в назначенное время (от 11 часов утра до 1 часу) получить аудиенцию. Эти аудиенции отличались необыкновенною простотою и оставляли неизгладимое впечатление в тех, которые удостоивались их. Не было примера, чтобы какое-либо ходатайство или просьба, если только представлялась возможность к их выполнению, не были милостиво уважены наследником цесаревичем. Ведя в высшей степени аккуратный образ жизни, его высочество большую часть времени отдавал занятиям государственными делами, а свободные часы — своей семье.

Независимо от занятий государственными делами, весьма важным подготовительным средством для наследника цесаревича было непосредственное знакомство с русским народом во время путешествий. Под влиянием своего наставника С. М. Соловьева его высочество питал особую любовь к русским древностям и русской святыне. Родная старина и изучение ее были самым важным предметом занятий царственного юноши. «Мне приятно заявить, — писал он в грамоте И. И. Лажечникову, — что «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман» вместе с романами Загоскина были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбуждали во мне ощущения, о которых и теперь с удовольствием вспоминаю. Я всегда был того мнения, что писатель, оживляющий историю своего народа поэтическим представлением ее событий и деятелей в духе любви к родному краю, способствует к оживлению народного самосознания и оказывает немаловажную услугу не только литературе, но и целому обществу». Эти многозначительные слова обнаруживают всю широту взгляда наследника цесаревича на развитие народа в истинно патриотическом духе. Такой взгляд на значение родной литературы подтверждался действиями цесаревича всегда и особенно во время путешествий, когда он обращал преимущественное внимание на исторические древности и достопамятности.

Сделавшись наследником престола, великий князь Александр Александрович предпринимал три путешествия. Первое путешествие относится к 1866 году, когда он был объявлен женихом принцессы Дагмары. В это время цесаревич посетил Нижний Новгород и Казань.

Второе путешествие по России предприняла царственная чета в 1869 году. Оно имело целью — ознакомить молодую цесаревну с ее новым

отечеством. В общем плане поездки путешествие по Волге занимало видное место.

Направляясь вниз по Волге, августейшая чета прибыла в Нижний Новгород и, по священному обычаю русских царей, прежде всего посетила кафедральный собор. Здесь их высочества поклонились праху Кузьмы Ивановича Минина-Сухорукова, причем наследник цесаревич, заметив, что гробница находится в очень ветхом виде, выразил свое сожаление, что *«память этого, великого по заслугам отечеству, человека недостаточно почтена»*. Слова эти были приняты близко к сердцу ярмарочным купечеством, гробница была приведена в должный вид, на что израсходовано до 17 000 руб. 20 октября 1878 года было доложено его высочеству об окончании работы. В своем рескрипте на имя биржевого комитета наследник цесаревич выразил следующее: *«Усердием и жертвами нижегородского ярмарочного купечества совершено дело, которого требовал долг почтения к памяти великого гражданина земли Русской и Нижнего Новгорода, Кузьмы Минина. Над прахом его воздвигнут достойный памятник посреди святыни древнего соборного храма. Мне приятно думать, что поводом к сему послужило посещение мною в 1869 году мест, освященных памятью великих в нашем отечестве событий. Выраженное мною при этом случае желание было встречено сочувственным желанием ярмарочного купечества и ныне осуществилось на деле. Поставляю себе долгом выразить сердечную мою признательность как всему ярмарочному купечеству, так и лицам, в особенности потрудившимся в этом предприятии, бывшему председателю биржевого комитета А. П. Шипову и нынешнему председателю В. И. Мошнину, как усердному совершителю начатого дела. С благодарностию принимаю предложение биржевого комитета об употреблении остатка собранной суммы на пользу Мининского братства и на призрение детей воинов, павших на поле брани»*. Посетивши Нижний Новгород в 1881 году, по восшествии на престол, император Александр Александрович снова поклонился праху Минина, покоившемуся в реставрированной гробнице.

Находясь в Казани, их высочества посетили крещено-татарскую школу, незадолго до этого основанную на собственные средства известным ревнителем просвещения инородцев Н. И. Ильминским. Это было 18 июля. Несмотря на то, что ученики и учитель были застигнуты врасплох, школа произвела на высоких посетителей выгодное

впечатление. Их высочества слушали пение молитв сначала по-русски, а потом на разных инородческих языках, причем черемисский хор исполнил народный гимн. Затем высокие посетители входили в подробные расспросы о методах преподавания и вообще об устройстве школы, посетили скромное помещение учителя и женское отделение, которое осматривали с такою же подробностью. Пробыв в школе около часа, их высочества в самых благосклонных, приветливых выражениях высказали свое удовольствие и сочувствие школе, как христианско-образовательному заведению, благодарили учителя и учащихся, вписали свои имена в книгу посетителей и в заключение пожелали с своей стороны содействовать усилению средств школы и положили жертвовать ежегодно сумму, необходимую на содержание в ней 20 учащихся: 10 мальчиков от имени государя наследника цесаревича и 10 девочек от имени государыни цесаревны. В тот же год от имени их высочеств было пожаловано 500 руб. на содержание 20 учащихся школы. С того времени эта сумма ежегодно высылается в школу от императорского дома.

Из Казани их высочества отплыли вниз по Волге и 22 июля прибыли в Самару. В момент прибытия августейших путешественников народный восторг был так велик, что, сойдя с парохода, окруженные теснившимся со всех сторон народом, они не могли несколько времени сесть в экипаж, чтобы доехать до собора, где их высочества были встречены преосвященным Герасимом, благословившим их иконами. Выслушав благодарственный молебен, их высочества отправились в дом дворянства, где им представились все власти, дворянство, купечество и дамы, принося поздравление цесаревне со днем ее тезоименитства. После представления губернским предводителем дворянства поднес наследнику цесаревичу в изящной оправе альбом фотографических видов всех городов и замечательных местностей губернии, губернатор — труды статистического Комитета, а местные колонисты — 3000 руб. на благотворительное дело по усмотрению наследника цесаревича.

В тот же день их высочества посетили лагерь Абхазского пехотного полка и раскинутую возле него киргизскую ставку нарочито прибывшего из степи с своим семейством бывшего правителя киргизской орды Букеева, где изволили смотреть киргизскую джигитовку и приняли от хана Букея роскошную кибитку, в которой

изволили отдыхать. После обеда их высочества посетили Николаевский сиротский дом, где дамы местного купечества, в память этого посещения, поднесли цесаревне капитал в 1500 руб., названный Мариинским, с тем, чтобы проценты с него выдавать девицам, окончившим курс в указанном доме. Вечером, во время народного гулянья в Струковском саду, их высочествам были представлены группы мордвы, чувашей и малороссиян в их характерных костюмах, исполнявшие свои народные песни. Из сада августейшие путешественники отправились в дальнейший путь по Волге вниз... Подробности пребывания в различных городах в свое время описаны на страницах местных изданий и говорят как о восторге народа, так и о том внимании, с каким везде относились августейшие путешественники к местным святыням и древностям.

Во время третьего путешествия по Волге наследник цесаревич Александр Александрович, с братом Владимиром Александровичем, сопровождал своего царственного родителя, императора Александра II. Из Нижнего Новгорода на пароходе «Цесаревна Мария» высочайшие особы прибыли в Казань 27 августа 1871 года. Невозможно описать восторг, с каким встретили казанцы императора с его августейшими детьми. Государь и его дети поклонились святыням города и посетили различные учебные заведения. И в этот раз наибольшее внимание было оказано центральной крещено-татарской школе. Ко времени прибытия августейших посетителей в этой школе были собраны все ее воспитанники, как обучавшиеся в ней, так и окончившие курс в предшествовавшие годы, из которых многие были в это время уже учителями школ братства св. Гурия. Сюда же явилось несколько человек из других инородческих племен (чуваша и черемисы), крещеные татары-отцы и родственники учащихся детей, воспитанницы женского отделения школы и матери их. При входе в школу государя присутствовавшие в школе воспитанники и учителя братских школ пропели тропарь «Спаси, Господи, люди твоя» по-татарски, чувашски и черемисски. В женском отделении тот же тропарь, по желанию государя, был пропет воспитанницами по-русски. После этого его величество, подошедши к отцам учащихся, высказал им свое удовольствие, что их дети обучаются в этой школе, и надежду, что они выйдут отсюда хорошими христианами. Наследнику цесаревичу было весьма отрадно видеть процветание школы, которой он и его

августейшая супруга оказывали со времени своего первого посещения ее (в 1869 г.) щедрую поддержку.

Во время дальнейшего путешествия вниз по Волге особенно торжественная встреча государю и его царственным детям была оказана в Самаре, которую они посетили 29 августа. С пароходной пристани августейшие путешественники отправились в собор, где были встречены преосвященным Герасимом с многочисленным духовенством. По совершении молебствия владыка поднес императору икону святых, празднуемых 4 апреля. Посещение Самары, в ряду других дел, ознаменовано следующим обстоятельством. В память чудесного спасения государя от опасности, угрожавшей ему 4 апреля 1866 года, в Самаре была совершена закладка обширного собора 25 мая 1869 года, — в день спасения государя от новой опасности, угрожавшей ему при злодейском покушении в Париже (25 мая 1867 г.). К 1871 году фундамент собора был выведен на поверхность земли. У граждан Самары явилась мысль воспользоваться прибытием сюда императора, чтобы видимым образом увековечить память об этом событии, и они повергли пред его высочеством просьбу о том, чтобы государь соблаговолил собственноручно заложить камень в стену воздвигаемого храма. В надежде, что эта просьба не будет отвергнута монархом, были сделаны необходимые приготовления в стене для укладки камня, а именно: часть стены храма была выведена таким образом, чтобы камень, вложенный в нее, приходился на высоте человеческого роста внутри здания на самом видном месте. Прибыв к собору, государь расспросил о подробностях сооружения, внимательно рассматривал план собора, положил камень в предназначенное место и пожелал скорейшего окончания постройки. После сего наследник цесаревич Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович также положили по камню в стену строения. Камни эти своею лицевою стороною входят внутрь храма вблизи алтаря и блюдутся городом, как драгоценная святыня. Они покрыты стеклом и обложены бронзовой рамой. На утвержденной над ними металлической доске начертано, кем и когда положены эти камни в стену храма, а в особом ковчеге (из резного дуба в византийском стиле) хранятся серебряные молоток и лопатка и другие принадлежности, которыми пользовались для указанной цели государь император и его августейшие сыновья. В настоящее время собор окончен и освящен. Он находится на высшей

точке города, посреди весьма обширной площади, с которой открывается прекрасный вид на Заволжье. Весьма многие из проезжающих по Волге, во время остановки пароходов, считают своим долгом побывать в соборе, осмотреть его замечательную архитектуру и следы царского внимания.

Все эти путешествия имели очень важное значение не только в смысле образовательном, как ознакомление с будущими подданными и их нуждами, но особенно потому, что они воочию выясняли смысл совершавшихся преобразований и отношение к ним различных сословий государства, а особенно их значение для крестьян. Путешествия были, так сказать, отдыхом после той трудовой жизни, которую проводил в Петербурге наследник цесаревич. Здесь он участвовал в заседаниях Государственного совета, в обсуждении различных дел, в комиссиях по многим вопросам и т. п. Немало труда вложил цесаревич в русскую историческую науку своим содействием Русскому Императорскому Историческому Обществу и в русское искусство, которому оказывал свое высокое покровительство.

В 1868 году в разных губерниях обнаружился голод. Урожай предыдущего года был во многих местах неудовлетворителен, и бедствия голода сказались особенно на севере России. Назначенный высочайшею волею почетным председателем временной центральной комиссии для сбора и распределения пособия голодающим, наследник цесаревич не только приступил к этому делу с величайшим рвением, но при этом обнаружил в высшей степени замечательное понимание народных нужд и всего вообще строя русского общества. Для предупреждения спекуляций хлебных торговцев его высочество придумал чрезвычайно целесообразную меру. По его ходатайству государь император разрешил выдать комиссии заимообразно, с соблюдением строжайшей тайны, из государственного Казначейства один миллион рублей. На эти деньги агентами комиссии была произведена покупка хлеба в разных местах. Благодаря этой мере хлеб был приобретен по умеренным ценам и народное бедствие не получило большего развития, а участь голодающих была обеспечена. Великая княгиня цесаревна Мария Феодоровна принимала весьма деятельное участие в этом. Она взяла под свое покровительство сбор пожертвований в пользу голодающих, и ее имя много способствовало умножению средств. Что это живое доказательство любви царственной

четы к своим будущим подданным было оценено теми, к кому оно относилось, видно из того, что вечером 26 февраля (день рождения наследника цесаревича) 1868 года из кружки, выставленной у Аничкова дворца — для сбора приношений в пользу голода-ющих, — была вынута сумма в несколько тысяч рублей, по преимуществу мелкими деньгами, которые жертвовал народ из трудовых своих копеек, празднуя день рождения того, кто так заботился об его нуждах.

В этой чисто практической подготовке к престолу весьма серьезное значение имела Русско-турецкая война 1877—1878 годов. Эта война, покрывшая небывалою славою русскую армию, для наследника цесаревича была тяжелою школою. Командуя небольшим отрядом в 40 тысяч человек, он превосходно исполнил возложенную на него трудную стратегическую задачу, а с другой стороны — узнал во всех подробностях обратную сторону войны со всеми ее ужасами, что и было одною из главных причин, почему, вступив на престол, он сделался ангелом-хранителем европейского мира.

Рущукский отряд, начальство над которым было вверено цесаревичу, имел главною своею целью — задерживать движение турецких войск из крепостей Шумлы и Силистрии. В то время, когда происходила осада Плевны, туркам необходимо было всячески развлекать наши силы и угрожать нашим сообщениям на Дунае. До падения Плевны они не раз атаковали рущукский отряд, например при Канцеве, Обланове и, наконец, при Мечке. Везде они были отбиты. Государь император особенно радовался тому, что в сражении при Мечке всем делом лично руководил наследник цесаревич. Во всех других делах он обнаружил искусную распорядительность и необычайную стойкость. За эти качества и за личную храбрость, обнаруженную его высочеством (особенно в деле при Мечке), государь император пожаловал ему ордена Владимира 1-й степени и Георгия 2-й степени.

Но цесаревичу приходилось быть постоянным очевидцем мучительных сцен. 12 октября 1877 года герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский, состоявший при рущукском отряде, на глазах наследника был убит турецкою пулею наповал (в лоб). Этот молодой князь, красавец собою, был общим любимцем. Его оплакивала вся русская армия, видевшая в нем пример самоотверженного служения родине.